

УДК 101

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ СЕБЯ?

О.Д. Волгогонова
Москва, Россия.

Философия всегда являлась проблемой для самой себя. Поэтому разговор о ее внутренней и внешней истории, внутренней логике есть разговор о ее самоопределении. Очевидно, что вне философской рефлексии человеческая культура может быть осознана лишь в виде отдельных ее проявлений, а не как некая историческая целостность. Но осознание культуры может иметь различные формы, достаточно сильно отличающиеся друг от друга. Во многом именно формы философской рефлексии и определяют «исторические дела» философии, ее роль в жизни индивида и общества.

Изменения, происходящие с философией и ее местом в общественной жизни в течение последних двух-трех веков, бросаются в глаза. От уверенности в том, что именно рациональная философия объяснит весь мир, поставит диагноз всем болезням и даст рецепт чудодейственного лекарства, свойственной эпохе Просвещения и вообще «ново-временному» мышлению, до пренебрежительно-удивленного отношения к философии как к занятию для чудаков (Карл Поппер в одном из своих выступлений образно выразил эту ситуацию так: «когда узнают, что ты философ, на тебя смотрят как на человека, у которого яичница на галстуке»).

В русской культурной традиции весь спектр изменений происходит в условных границах нескольких этапов: 1) начальный, предфилософский этап, когда оригинальные философские идеи становились, по преимуществу, содержанием не философии, а богословия; 2) время выработки самостоятельного стиля философствования в первой половине 19 в.; 3) период «системного» развития русской философии во второй половине 19 в.; 4) начало 20 столетия, ознаменованное появлением как бы двух философских потоков в связи с явным расхождением устремлений и интересов так называемой «новой демократии» (термин Г.Федотова) и старой интеллигенции; 5) установление в России духовной монополии марксизма (являвшегося своеобразным продолжением философских увлечений «новой демократии») и русская зарубежная (эмигрантская) мысль как развитие самобытной философии после революции 1917 г.; 6) попытки продолжить разорванную революцией философскую традицию во всей ее полноте в конце 20 века.

Не давая подробной характеристики каждого этапа, можно проследить изменение места философии в духовной жизни русского общества. Первую половину 19 века (вплоть до нигилистов 60-х годов) отличает, в буквальном смысле слова, очарование философской терминологией и проблематикой, связанное с невероятной интенсивностью развития самосознания общества. Философия была в то время обязательной составной частью образования, философские статьи и идеи находили своих поклонников не только среди профессионалов (которых, кстати, было мало). «Для русских интеллигентов той поры вся совокупность жизни подлежала философскому толкованию, и потому любой жизненный факт мог быть теоретически осмыслен, превращен в проблему», – замечает Е.Гицбург. Характерен в этой связи довольно забавный пример частных писем сестер М.Бакунина друг к другу, в которых они рассматривали свою

жизнь и жизнь своих близких как предмет философского анализа, используя при этом сложную терминологию гегельянства: «Вся жизнь состоит в том, чтобы сделать субъективным то, что в вас субстанционально, то есть возвысить свою субъективность до своей субстанциональности и сделать ее бесконечной...», – писали юные девушки. Вспомним настоящую трагедию, пережитую Белинским, когда он увидел расхождение между выводами гегелевской философии и «свинцовой» российской действительностью. Нечто похожее произошло и с Боткиным. Философия играла роль «критика» по отношению к реальной жизни, сопоставляя «сущее» и «должное». Многочисленные легальные и нелегальные кружки занимались обсуждением философских проблем, воспринимая философию как средство социальной терапии.

Начиная с 60-х годов положение несколько изменилось. Упования на «терапевтический эффект» философских систем не оправдались, что привело к появлению «философских нигилистов», считавших философию занятием бесполезным и подчас даже вредным. Первым на ум приходит имя Д. Писарева, который безапелляционно заявлял, что философия – это «занятие для безумцев», вредное для молодых энергичных людей, так как отрывает их от реальных практических дел. Тем не менее, философия еще не сдавалась, еще видела себя не занятим «для внутреннего пользования», а социально значимым феноменом. Правда, в системе В. Соловьева «внутренний» и «социальный» аспекты философии сосуществовали, но дух времени был таков, что Соловьев уверенно констатировал: «... философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего» [1, с. 27], явно имея в виду общественное звучание философских идей.

В начале века ситуация неоднозначной трактовки философии усугубилась. На одном полюсе мы видим русских марксистов, либеральных народников, «толстовцев», воспринимающих философию как общественно значимое дело, а философов как стратегов, теоретиков социальных изменений. Такое «прикладное», утилитарное отношение к философскому знанию было особенно характерно для «новой демократии», внесшей явную нотку прагматизма в российскую культуру. На другом полюсе – российские «аристократы духа», которые положили начало «субъективистскому» течению в трактовке философии, когда она стала восприниматься как средство для самовыражения, самопознания, а не как общественная теория. Разумеется, социальная философия продолжала существовать, но уже на периферии философского знания. В воздухе нового столетия носилась мысль о том, что философские утопии радикально невыполнимы, следовательно, в философии человек реализует свою индивидуальную свободу, соотносится с самим собой. Персонализм, экзистенциализм, иррационализм, интуитивизм и многие другие «измы» представляют абсолютно другое отношение к философии и ее роли в обществе (вернее, к отсутствию таковой). Революция буквально (государственной границей) разделяет мыслителей разной ориентации, – в стране торжествуют марксизм и неявный позитивизм с их прикладным духом, русское же зарубежье углубляется в интроспекцию, духовные изыскания.

Постепенно прикладной характер марксистской философии тоже становится лишь привычным заклинанием, ежедневно внедряемым в сознание советского общества. На деле обычный человек о философии не думает, почти ничего о ней не знает, но относится как к чему-то необязательному и ненужному. Философия становится не просто аристократична, но эзотерична. Она воспринимается уже не как рецепт переделки общества и отношений между людьми, а как

сугубо личностный поиск смысла своего бытия. Тенденция эта отличает не только русскую, но и европейскую философию 20 в., в ней человек «представляет зрелище для самого себя», что заставляет задуматься: не является ли такая «субъективизация» философии некой общей закономерностью ее развития?

Любая научная система имеет посылки, которые в рамках данной системы носят характер аксиом. Поэтому всегда можно вести речь о некоей метанауке. Философия же является метанаукой по отношению к самой себе. Кроме того, для науки объект уже дан, философия же ставит вопросы о существовании самого объекта. Она говорит о началах бытия, это *додумывание до конца*. Но такое «додумывание» может реализоваться лишь в форме предположений; философия – сомневающееся знание. Без фундаментального картезианского сомнения философия невозможна. Здесь нет окончательных ответов. Именно это определяет глубоко личностную окрашенность философского знания. Процесс самоопределения философии неизбежно связан с углублением личностной, индивидуальной составляющей философского знания. Вместо социально значимой теории философия все больше становится самопониманием и самосознанием уникальной личности, принимающей эстафету от другой уникальной человеческой личности. Видимо, эта тенденция сохранится и в будущем.

Список литературы

1. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. – Т. 1. – СПб.: 1901.

УДК 101.9

МУДРОСТЬ ДЛЯ СЛАВЯНСКОГО ВЫБОРА

Ф.В. Лазарев

Симферополь, Украина

Мы живем в эпоху перемен. Хорошо это или плохо, но так уж случилось. И эта переменчивая эпоха самой неотвратимостью своих трансформаций бросает нам вызов. Готов ли славянский мир как особая цивилизация дать ответ на вызовы современности? Ответ здесь зависит от того, сможем ли мы стать исторически вменяемыми субъектами. Такая вменяемость сегодня означает способность к исторической инициативе – способность отдельного индивида, творческой интеллигенции, культурной и политической элиты, наконец, народа в целом. Но в чем заключается эта инициатива? В коллективной решимости осуществить *судьбоносный выбор*. Вот уж в который раз славяне находятся в «точке бифуркации». Речь идет о такой временной точке исторической эволюции того или иного государства, когда общество переживает глубинный кризис и возникает *возможность* новых сценариев развития. Что касается славянства, то сегодня существует выбор лишь из двух возможностей: либо мы остаемся в лоне нашей тысячелетней *традиции*, либо мы покидаем ее и становимся маргинальной, бездомной цивилизацией без национальных корней, без духовных, культурных оснований, без почвы.

Попытки найти третий путь – «интегрироваться в Европу» и одновременно сохраниться как самобытный духовный мир – историческая иллюзия. Культу-